

Когда Роуз начала приходить в себя, первое, что она отметила, это яркий свет, проникающий сквозь щели ее глаз. Второе, что она осознала, - это болезненную пульсацию, исходящую из затылка. Она издала стон, когда ее голова откинулась в сторону. Следующее, самое поразительное, что она заметила, это то, что ее руки были связаны за спиной, прикрепляя ее к металлическому стулу, на который ее усадили. Она в тревоге открыла глаза, воспоминания нахлынули на нее.

Она обвела глазами комнату, рассматривая пожелтевшую плитку и различные аппараты на стенах, и почувствовала, как ее дыхание стало сбиваться. «А, вы очнулись... хорошо». Услышала она сзади голос с немецким акцентом. Повернув голову через плечо, она увидела мужчину, идущего к ней с улыбкой. Он был старше, его подстриженные каштановые волосы начали седеть по бокам, и он был одет в форму, которая не была украшена немецкими цветами и значками, но вместо этого имела символ странного осьминога. «О, не нужно выглядеть такой испуганной, дорогая. Пока вы даете нам то, что мы ищем, у меня нет причин причинять вам вред». Он сказал ей, заметив ее страх, который усилился, когда он прошелся перед ней.

«Я ничего тебе не скажу». Она выдохнула, ее голос стал хриплым.

Мужчина прищелкнул языком, убирая руки, сложенные за спиной, чтобы взять стул для себя, и опустил его перед Розой. «Возможно, тогда вы позволите мне рассказать вам одну историю». Сказал он, садясь в кресло и пристально глядя на нее. «Много лет назад я познакомился с одним человеком. Удивительно гениального человека по имени Абрахам Эрскин. Видите ли, этот человек был способен создать то, о чем раньше только мечтали. Он помог создать сыворотку, способную изменять человеческую форму. И хотя она работала, были определенные нежелательные побочные эффекты». Сказал он ей.

У Розы пересохло во рту, и она начала сомневаться, тот ли это человек, о котором ей рассказывал Абрахам. «Вы Иоганн Шмидт, не так ли? « - спросила она.

«О, как чудесно!» - воскликнул он, подтверждая ее подозрения. «Итак, вы знаете эту историю! Тогда вы знаете, что произошло дальше. Прежде чем доктор Эрскин смог исправить свою формулу, его забрали у нас. Забрали у нас и использовали против нас союзные силы. С их помощью и под их защитой ему удалось воспроизвести сыворотку, но на этот раз ему удалось устранить недостатки ее предшественницы. Вы понимаете, почему это так расстроило. Необходимо было принять меры. Оперативник Гидры был послан, чтобы Эрскин не смог продолжить свою работу с нашими врагами». Сказал он ей.

Когда он заговорил, у Роуз заныло в животе. Она подозревала, что именно Гидра убила Абрахама, но то, что он признался в этом, вновь разожгло в ней ярость. «Хотя оперативнику удалось выследить доктора, сама миссия была провалена, так как он не смог восстановить сыворотку. Видите ли, лучшие ученые Германии работали над ее воспроизведением, но... пока никто не смог раскрыть ее секреты. Так что, казалось, формула была потеряна вместе с добрым доктором. Но потом мы услышали рассказ». Шмидт продолжил, подняв палец к уху.

«Мы слышали о женщине, которая помогала доктору Эрскину в создании усовершенствованной формулы. Медсестра, которая была отправлена на фронт. Представьте

себе мой восторг, когда я узнала, что она была расквартирована всего в нескольких милях отсюда, в Австрии. Похоже, судьба привела вас ко мне, мисс Роджерс». Сказал он, широкая, лукавая улыбка украсила его лицо.

«Абрахам никогда ничего мне не говорил». Прорычала она. «Я не знаю формулы».

«Вот что я сказал!» - сказал он, указывая на нее. «Не может быть, чтобы Авраам Эрскин был настолько глуп, чтобы поделиться с кем-то своим самым желанным имуществом, думал я про себя. Но потом я услышал, что, возможно, он был достаточно глуп, чтобы передать ей свои секреты. Возможно, в виде маленькой черной книжечки». Он поднял бровь, наклонившись к ней.

В горле Роуз пересохло, когда его глаза уставились в ее собственные. Она не знала как, но он знал. «Даже если и так, неужели ты думаешь, что медсестра была бы настолько глупа, чтобы хранить что-то настолько опасное. Возможно, она сожгла его, чтобы содержимое не попало в чужие руки, вроде твоей». Она усмехнулась над ним.

Иоганн вздохнул, откинувшись в кресле. «Такой одинаковый». Сказал он, покачивая головой. «Но неужели вы думаете, что я поверю, что у вас есть что-то подобное, не поддавшись искушению хотя бы заглянуть внутрь?» - сказал он, ухмыляясь. Роуз сжала челюсти, стараясь выглядеть равнодушной к его словам и их подтексту. Улыбка вернулась на его лицо, пока он наблюдал за ней. «Мисс Роджерс, вы отдадите мне эту формулу». Сурово сказал он ей.

«Я лучше умру!» - сказала она в отказе.

«Я думаю, вы поймете, что мы можем быть очень убедительными». Сказал он, вставая. «Нет, мисс Роджерс, мы не будем вас убивать, вы слишком ценны для этого, но скоро вы пожалеете, что не сделали этого». Он сказал, указывая позади нее на охранников, стоящих у двери. Они двинулись вперед, оба ухватились за связанные за спиной руки и остановились по обе стороны от ее кресла. Они подняли ее на ноги с такой силой, что ее зрение закружилось от внезапного прилива крови к ее еще не зажившей голове.

Двое мужчин потянули ее за собой, повернулись и вышли из комнаты. Роуз изо всех сил старалась поспевать за их быстрыми шагами, с трудом сохраняя равновесие из-за головокружения и неровных рук, державших ее сзади. Ее взгляд метался по затхлым коридорам, по которым ее вели, пытаясь сохранить все в памяти, отчаянно пытаясь построить в уме карту, если представится возможность сбежать. Примерно после шестого поворота она с отвращением сморщила нос, когда в воздухе появился резкий запах мочи. Свет над ними был тусклым и расположенным далеко друг от друга, оставляя весь проход темным и неприветливым.

Ее втокнули в комнату справа от коридора, и она оказалась в чем-то вроде душевой. В центре комнаты стояли три возвышающиеся колонны, на каждой из которых было несколько душевых насадок. Стены были покрыты плиткой, которая, возможно, когда-то была белой, но теперь окрасилась в желтый цвет. Несколько пятен плесени и другой растительности прилипли к

бортикам, вырастая из луж отстоявшейся воды, которая оставалась гноиться на полу. Ее потянули в дальнюю часть комнаты, где стоял ряд больших металлических ванн, одна из которых была до краев наполнена водой, настолько мутной, что она не могла видеть дальше нескольких дюймов глубины.

Охранники остановились перед пахнущей духами водой, и тот, что стоял слева от нее, убрал руку и встал лицом к ней. Он сказал ей что-то по-немецки, чего она не могла понять, и ухмылка растянула его губы. Она хотела задать ему вопрос, но не успела вымолвить ни слова, как ее толкнул вперед мужчина, который все еще держал ее. Он положил левую руку ей на затылок и толкнул ее вперед в ванну. Она была вынуждена согнуться в талии, и ее тазобедренные кости врезались в металлический бортик ванны, когда ее голова погрузилась под воду. Она поборола желание резко вдохнуть от боли, возникшей от того, что ее вдавило в твердый металл, и закрыла легкие, чтобы жидкость не заполнила их. Она попыталась вынырнуть из воды, но поскольку ее руки все еще были зажаты за спиной, а мужчина удерживал ее с большей силой, чем она сама, это было бесполезной попыткой. Она задерживала дыхание и боролась изо всех сил, но по мере того, как шли минуты, ее легкие горели от нехватки кислорода.

В тот момент, когда она думала, что больше не выдержит, ее вытащили обратно. Она резко вдохнула, вынырнув на поверхность воды, и сильно закашлялась, пытаясь выгнать то небольшое количество воды, которое успело просочиться в легкие. Без всякого предупреждения ее снова толкнули вперед, и она снова упала в воду. Она отчаянно пыталась остановить спазмы в груди и обнаружила, что ей становится все труднее задерживать дыхание, борясь с желанием выгнать воду, которая уже проникла в легкие. Она боролась еще сильнее, чем прежде, чтобы вытащить себя обратно из воды, ее бедра так сильно вдавились в борт, что она была уверена, что они уже окрасились в насыщенный пурпурный цвет. И снова ее вытащили из воды как раз в тот момент, когда она подумала, что ей придется втягивать в себя воду. Кашель сотрясал ее, когда она пыталась наполнить легкие, прежде чем она снова оказалась под поверхностью.

Цикл продолжался, казалось, часами. Она потеряла счет тому, сколько раз ее погружали в ванну, поскольку потеряла способность бороться со своим мучителем. Когда ее вытащили из воды в последний раз, мужская рука крепко вцепилась в ее волосы и резко дернула за голову, ее лицо было почти таким же багровым, как ее больные бедра. Она глубоко глотала воздух, как рыба, борющаяся за дыхание, вода каскадами стекала по ее телу, когда ее развернули обратно и посмотрели на довольного Шмидта. Сквозь затуманенные глаза и горящие легкие, она посмотрела на него в ответ. Когда ей удалось достаточно отдышаться, ее губы раскрылись, и она с усмешкой посмотрела на него. «Ты думаешь... я уступлю тебе только потому, что ты меня немного намочил?» - спросила она его между учащенным дыханием.

Мышцы на его челюсти дернулись, когда он оглядел ее. «Ты сильная». Сказал он, подойдя к ее обмякшему телу. «Я восхищаюсь этим». Он сказал ей, протягивая руку вперед, чтобы обхватить ее челюсть. «Но даже у самых сильных людей есть свой переломный момент». Настаивал он. «Такая красота.» Затем он сказал, его глаза блуждали по ее лицу, все еще обесцвеченному от постоянного недостатка кислорода. «Такой позор». Он опустил руку, и в следующее мгновение Розу пронзил взрыв боли вдоль ребер, от которого она упала на пол.

Она подняла голову и увидела, что над ней стоят два охранника с дубинками наготове. Шмидт

что-то сказал двум мужчинам, бросив на нее последний взгляд, прежде чем повернуться и снова выйти из комнаты. Она смотрела на его удаляющуюся спину, пока движение одного из охранников не вернуло ее внимание к нему. Она беспомощно смотрела, как они приближаются к ней, поднимая в воздух дубинки. Последнее, что она увидела, прежде чем ее глаза закрылись, были злобные улыбки на их лицах. Затем ее мир превратился в бесконечный поток боли и агонии, а ее крики эхом разносились по пустым коридорам.

К тому времени, когда они закончили с ней, она не знала, сколько прошло времени, она не могла даже встать. Ее ноги скользили по покрытому грязью полу, а сама она висела между двумя мучителями. Она не знала, как далеко и как долго ее везли, прежде чем она окончательно поддалась оцепеневшей темноте.

Баки сидел в своей камере, прижавшись спиной к неудобным прутьям решетки, и скручивал руки вместе, пока его продолжали преследовать мысли, связанные со страхом. Он проснулся в своей камере несколько часов назад и обнаружил, что он не один. Он был набит битком вместе с несколькими другими мужчинами, некоторых из которых он узнал еще в пехоте, а другие были совершенно незнакомы. Некоторые из тех, кого он не узнал, выглядели слишком худыми и изможденными. Когда он спросил их, как долго они там пробыли, они ответили, что потеряли счет примерно после третьего месяца. Они рассказали новичкам о том, как их заставляли работать чернорабочими, без усталости строя какие-то самолеты для немцев.

Пока Баки сидел в этой холодной, сырой камере, слушая звуки кашля и стонов вокруг себя, его мысли устремились к Розе. Насколько Баки мог видеть, ее не было нигде, ни в одной из других камер, и, по словам мужчин, которые были там заперты, за все время пребывания в плену они не встретили ни одной женщины. Его внутренности разрывались на части от страха и чувства вины, которые разъедали его. Он не смог защитить ее, и теперь он понятия не имел, где она и что с ней случилось. Он сидел в тишине, пока шли часы, и чем дольше сидел, тем больше погружался в отчаяние.

Он едва поднял голову, когда звук шаркающих ног за пределами камеры отвлек его внимание от тревожных мыслей. Когда его взгляд случайно остановился на стражниках, его дыхание остановилось. Он не обратил внимания на двух охранников, быстро прошедших мимо него, его внимание привлек лишь пучок длинных черных волос, висевший между ними. Он рванулся вперед, схватился за решетку и прижался к ней лицом, пытаясь получше рассмотреть форму, которую они тащили за собой.

«Роза?!» - крикнул он, мельком взглянув на белое одеяние медсестры. Однако теперь вместо белого он был покрыт пятнами засыхающей крови, окрашивавшей ткань в уродливые оттенки красного и коричневого. Один из мужчин открыл пустую камеру напротив и через три от камеры самого Баки. Петли громко скрипнули в знак протеста, когда она распанулась, и тело, которое висело у них на руках, бесцеремонно бросили внутрь. Тело с грохотом упало на цементный пол и лежало неподвижно. Хотя длинные волосы закрывали ее лицо плотным щитом, Баки знал, что это Роуз. И по тому, в каком состоянии она была, его страх перерос в ярость.

«Эй!» - крикнул он, когда охранники с громким стуком захлопнули ее камеру. Они, казалось, не обращали на него внимания, когда разворачивались обратно, смеясь на ходу. «Эй,

придурки!» - крикнул он громче. «ЧТО ВЫ С НЕЙ СДЕЛАЛИ?! « - потребовал он.

Один из немцев остановился перед его камерой, подняв бровь на его вспышку. «Вы знаете эту женщину?» - спросил он, указывая позади себя.

Баки крепче вцепился в металлические прутья, поскольку его охватило желание протянуть руку и наброситься на мужчину. «Что ты с ней сделал?» - снова спросил он, на этот раз его голос прозвучал низко и холодно.

Другой солдат заинтересовался и заговорил с тем, кто обратился к Баки, тихо говоря по-немецки. Несколько слов было сказано туда и обратно, прежде чем мужчина повернулся к Баки с ухмылкой. Он ничего не сказал, после чего снова повернулся, и пара пошла прочь.

«Эй!» снова крикнул Баки. «ОТВЕТЬТЕ МНЕ, ЧЕРТИ!» - крикнул он, ударяя руками по стальным прутьям, отчего они затряслись. Мужчины отказались отвечать ему и продолжали идти, как будто он вообще ничего не говорил. Баки еще раз хлопнул руками по прутьям, прежде чем отказаться от попытки получить от них ответы. Он переключил свое внимание на камеру Роуз и снова прижался к металлу, пытаясь разглядеть ее лежащую фигуру.

«Роза!» - снова позвал он, но его встретила тишина. Он наблюдал за ее неподвижной формой в течение мгновения, убеждаясь, что может видеть подъем и спад ее дыхания, прежде чем повернулся и позволил своему плечу скользнуть по стенке клетки, опускаясь обратно на пол. Его глаза не хотели покидать ее бессознательную форму, и так он просидел следующие четыре часа, пока она не начала подавать признаки жизни.

Когда Роуз вернулась в сознание, первое, что она осознала, это сильную боль, пульсирующую во всем теле. Она застонала, когда ее глаза открылись - по крайней мере, настолько, насколько это было возможно, поскольку они сильно опухли от нанесенного им ущерба. Особенно резкая боль отозвалась в правом боку, когда она попыталась сделать глубокий вдох, и она поняла, что у нее сломано как минимум одно ребро, а скорее всего, и больше. Окинув взглядом новое окружение - от покрытого грязью бетона до окружавших ее решеток, - она решила, что ее бросили в камеру. Она собрала все силы в себе и с криком боли поднялась на предплечья.

Слезы навернулись ей на глаза, когда она оглядела окружающие ее камеры, все они были заполнены пленниками. В большинстве камер было по дюжине человек или больше, и только она одна была предоставлена сама себе. Она услышала, как кто-то позвал ее по имени, и повернула голову к источнику звука. «Роза!» - снова услышала она. Она знала этот голос. Ее глаза обшаривали клетки, пока не наткнулись на лицо, которое она искала. Едва приблизившись, она увидела лицо Баки, высунувшееся из-под прутьев решетки.

Она попыталась позвать его по имени в ответ, но обнаружила, что ее голос - лишь хрип. Похоже, от кашля и криков у нее разболелось горло. Она попыталась сглотнуть, но обнаружила, что не может выработать достаточно слюны даже для этой основной функции. Она издала стон, приподнявшись, чтобы сесть. Она осторожно подошла к двери камеры, чтобы опереться на нее спиной. Она прислонила голову к металлическим прутьям и плотно

зажмурила глаза, стараясь контролировать дыхание, чтобы не травмировать ребра сильнее, чем нужно, когда пройдет волна боли.

Когда она снова открыла глаза, голова ее упала набок, и она обнаружила, что Баки снова наблюдает за ней, как ястреб. Она снова попыталась прочистить горло, облизывая пересохшие губы. «Б-бак». Ей удалось прохрипеть.

«Ты в порядке?» - обратился он к ней, видя ее явное расстройство. «Что эти засранцы сделали с тобой?! «

Она протянула руку к животу, держась за бок, который горел так, словно в него вгоняли железный шип, и скорчила гримасу. Слезы начали бежать по ее грязным щекам, когда все вокруг оседало, оставляя бифштексы, омывающие ее лицо. «Им нужна формула». Сказала она ему, надеясь, что ее тихий голос достигнет его ушей. «Мне так жаль, Баки». Она всхлипнула. «Это все моя вина».

Они оставили Розу в камере на долгий срок. Поскольку в камере не было окон, чтобы осветить постоянную темноту, невозможно было определить, как проходит время. У них не было возможности узнать, день сейчас или ночь, все, что они знали, это то, что минуты в этих камерах казались часами, а часы – днями. Роза оставалась в том же положении, прислонившись спиной к решетке, боясь пошевелиться, так как ей наконец удалось утихомирить боль до терпимого пульса. Она то погружалась в сознание, то выходила из него, ее телу требовалась вся энергия, чтобы начать самоисцеление. Голос Баки то и дело прорывался сквозь звуки несчастья вокруг них, принося с собой подобие утешения, за что Роуз была ему благодарна.

«Мы выберемся отсюда, Роза». Голос Баки обратился к ней, заставив Роуз снова открыть глаза и посмотреть вниз, где он сидел спиной к решетке звонка, как и она. «Я обещаю».

Роза опустила глаза на разрушающуюся стену перед ней. Хотя она знала, что его слова должны были принести ей утешение и надежду, она не могла найти ничего подобного. Она не верила, что ей удастся выбраться из этого ада. Она не дала бы им того, чего они хотели, и знала, что у этой истории есть только один возможный конец. Она начала смиряться со своей участью, понимая, что жертва ее жизни будет означать спасение жизней бесчисленного множества людей, если немцам удастся создать армию суперсолдат. Однако она все еще не теряла надежды на Баки. Если она не выживет, это не значит, что не выживет и он. Она снова закрыла глаза и помолилась Богу. Она молилась не за себя, а за Баки. Она молилась о его защите над Баки. Она молилась об этом сильнее, чем о чем-либо, о чем она когда-либо молилась раньше.

Звук марширующих сапог эхом разнесся по проходу, и Роза открыла глаза. Повернув голову, она увидела группу солдат, которые маршировали вниз, полностью сосредоточив внимание на ней. Сердце заколотилось в груди, когда они остановились перед ее камерой, и она поняла, что ее мучения еще не закончились.

С подавленным криком она встала на ноги, повернувшись к ним лицом, насколько это было возможно. Она смотрела им вслед, пока один из них вставлял ключ в механизм замка, и тот с лязгом отпирался. Дверь распахнулась, и двое мужчин вошли в камеру, встали по обе стороны от нее, взяв ее под руки. Третий мужчина вошел в камеру, на его лице была улыбка. Он что-то сказал остальным мужчинам, чего она не поняла, но, судя по последовавшему смеху и настороженному взгляду, которым он смотрел на нее, она поняла, что ничего доброго. Он сделал еще один шаг к ней, возвышаясь над ней. Когда он потянулся вперед, чтобы погладить ее по щеке, она откинула голову назад и быстрым движением подала ее назад, врезавшись лбом в нос мужчины.

Боль расцвела в центре ее головы, когда мужчина попятился назад, прикрывая рукой кровоточащий нос. Он издал то, что она приняла за ругательство, и на ее губах заиграла улыбка. Маленькие победы, и все такое. Однако ее победа была недолгой, так как его рука ударила ее, и тыльная сторона ладони с громким звуком ударилась о ее лицо. От удара ее голова откинулась в сторону, и она почувствовала вкус крови. Она слышала, как Баки кричал на мужчин, пока она медленно поднимала лицо, не желая, чтобы мужчины увидели хоть унцию боли на ее лице. Он что-то крикнул остальным мужчинам, и ее подтолкнули вперед, выводя из камеры за руки, покрытые синяками. Она повернула голову, когда ее вели мимо камеры Баки, и ее глаза встретились с его встревоженными глазами.

Когда она проходила мимо, Баки смог впервые хорошо рассмотреть ее с тех пор, как ее спустили в камеру, и был поражен тем, насколько ужасно она выглядела. Если бы он не знал, что это она, он не был уверен, что смог бы ее узнать. Впадины вокруг ее глаз были черными и распухли так сильно, что он едва мог разглядеть ее глаза, выглядывающие из-за них. Она хромала мимо него, и по выражению ее лица он понял, что она сосредоточилась на том, чтобы не выдать свою боль. Для чего это было нужно – для его собственной пользы или для солдат – он не знал. Она пронеслась мимо него слишком быстро, и не успел он опомниться, как она исчезла из его поля зрения, и ее снова забрали у него.

Розу снова повели по коридорам, пока не привели в ту же комнату, в которой она впервые проснулась. Когда ее вывели в центр комнаты, она наблюдала, как Иоганн Шмидт повернулся к ней лицом. Покачивая головой, он оценил ее внешность и встал перед ней. Он укоризненно посмотрел на нее, поджав губы. «Всей этой боли можно было бы избежать, если бы ты просто сделала то, о чем тебя просили, моя дорогая». Сказал он ей.

«Делай со мной что хочешь». Она вызывающе выдохнула. «Утопи меня. Избеите меня. Делай что хочешь, но я с радостью умру, прежде чем позволю формуле Авраама попасть в твои руки». Она сказала ему, чувствуя, как сила, которую она никогда раньше не ощущала, наполняет ее.

«Ваше мужество достойно восхищения. Те, кто готов пожертвовать собой ради жизни других, действительно редки. У меня такое чувство, что бы мы с вами ни сделали, вы не дрогнете в своем упрямстве». Он сказал, обходя вокруг нее. «Но мне интересно, распространяется ли это принятие смерти не только на тебя?» сказал он, снова остановившись перед ней.

Она нахмурила брови, смущенная его словами. Она смотрела, как он поднял руку, и дверь позади нее снова распахнулась. Она с ужасом наблюдала, как в дверь ввели Баки, его руки были сложены на затылке, а двое немцев держали его на мушке. Его ввели в комнату,

остановившись в нескольких футах позади нее и Шмидта. Она повернула голову обратно к Шмидту, не желая выдавать своих эмоций.

«Что? Ты думаешь, что угроза какому-то случайному солдату сломит меня?» - спросила она с лицом, лишенным эмоций, надеясь, что сможет как-то выкрутиться из этой ситуации.

«О? Вы не знаете этого человека?» - спросил он удивленно, указывая на Баки. «Охранники, похоже, были уверены, что знаете. Они сказали, что он поднял шум, когда вас привели в камеру». Он сказал, изучая ее лицо в поисках признаков колебаний. «А, ну...» сказал он, пожав плечами. Затем он полез в кобуру и одним быстрым движением вытащил пистолет, целясь прямо в голову Баки. «Тогда он нам ни к чему, я полагаю».

Роуз пыталась сохранить нейтральное выражение лица, надеясь вызвать Шмидта на блеф, как он пытался вызвать ее, но она сдалась, когда он откинул курок пистолета. «Подождите!» - сказала она, переводя взгляд с дула пистолета на стоическое лицо Баки.

«А, так ты его знаешь». Удовлетворенно сказал Шмидт, отводя пистолет от Баки, но держа его наготове.

«Нет Роуз.» раздался голос Баки, прежде чем один из охранников с предупреждением воткнул ствол своего пистолета в его череп. «Не давай им того, чего они хотят». Он продолжил, не обращая внимания на охранника позади него. «Все в порядке.» Он сказал ей, слегка кивнув.

Роза встретила с ним глазами и поняла, что он принял свою судьбу, как и она. Он не стал бы винить ее за это, и одним простым кивком она поняла, что получила и его разрешение, и его прощение. Она снова посмотрела на Шмидта, в ее глазах стояли злые слезы.

«Нет?» спросил Шмидт, глядя на нее сверху вниз. Он снова поднял пистолет в сторону Баки. «Пусть будет так». Сказал он, отводя курок назад. Миллисекунды, прошедшие в этот момент, растянулись и показались Розе вечностью. Она смотрела со Шмидта на Баки, и его печальный взгляд разрывал ее сердце на части. Он словно передавал ей молчаливое извинение. Как он мог подумать, что именно она заслуживает извинений в тот момент, было непонятно. Но это не имело значения. Когда она смотрела ему в глаза, она понимала, что не может этого сделать. Она не могла смотреть, как он умирает. Она не могла потерять его. Она не могла позволить ему страдать от последствий ее ошибок.

«Я сделаю это!» - почти закричала она, когда палец Шмидта начал давить на спусковой крючок. Его глаза переместились на нее. «Я воссоздам сыворотку!» - сказала она ему. «Но Баки будет жить! Я сделаю все, что вы от меня потребуете, пока он жив!» - сказала она, ее голос дрожал.

«Роуз, нет!» Баки закричал в знак протеста. «Я этого не стою!»

Она смотрела на него, пока Шмидт убирал пистолет обратно в кобуру, улыбка победы

украшала его лицо. «Мне жаль». Сказала она ему. Как бы она ни старалась, она просто не могла этого сделать. Она не была достаточно сильна, чтобы отпустить его. Она просто надеялась, что он, Бог и все остальные смогут простить ее.

<http://tl.rulate.ru/book/64265/1699420>